

Фантастический
рассказ

С. А. СЕМЕНОВА

Иллюстрации

Н. А. УШИНА

I.

Инженер Игорин нетерпеливо и с тревогой глядел на часы. С каждым прыжком секундной стрелки его сердце билось чаще и сильнее, дыхание становилось глубже. Еще только один час — и он будет сидеть внутри металлического «Плутона». Только час — и мощная машина со скрежетом вопьется и поползет в недра земли. От этой мысли к его голове прилиwała кровь, глаза застилались туманом. Нервный, настораживающий трепет пробежал по телу, мучительно томил в ожидании заманчивого и пугающего момента.

Талантливый изобретатель, механик-самоучка Захаров, при энергичном содействии члена Геологического комитета профессора Тураева, создал подземную самодвижущуюся машину.

Уже месяц, как сооружение «Плутона» закончено. А сегодня, в семь часов вечера, он должен отправиться в путь.

Игорин совсем недавно окончил Институт и, в качестве ассистента профессора Тураева, должен был, вместе с ним и Захаровым, принять участие в подземной экспедиции. Как ни велико было его волнение, однако, все же оно не объяснялось деликом только необычайным характером путешествия. Здесь было и другое. Не только о постройке машины, но и о самой экспедиции знали очень немногие. Это была тайна Геологического комитета, на средства которого и строился «Плутон».

По своей конструкции подземная машина могла послужить ужаснейшим

военным средством в руках милитаристических государств. Боязнь именно такого применения изобретения Захарова и руководила мудрой осторожностью Геологического комитета.

Одна из задач подземной экспедиции носила разведочный характер. Геологический комитет поручил профессору Тураеву обследовать всю область залегания тяжелых металлов на территории Северного Урала. Но, помимо практических целей, на обязанности экспедиции лежали и более серьезные задачи. Предстояло окончательно разрешить глубочайший научный вопрос о внутренней структуре Земли. В последнее время этот вопрос стоял особенно остро. Несмотря на то, что старое учение о сплошной огненно-жидкой массе внутри Земли было отвергнуто, однако и новая теория уже успела угареть. Взгляды защитников твердометаллического строения земного ядра далеко не пользовались общим признанием. Целый ряд тифонических и вулканических процессов не объяснялся новой теорией. Все эти процессы говорили о какой-то непрерывной и чрезвычайно сложной деятельности внутри нашей планеты.

У профессора Тураева на этот счет имелись собственные соображения. Но об них ученый молчал. Были ли они слишком парадоксальны или, быть может, недостаточно обоснованы — сказать трудно. Ясно было только одно: геолог надеялся проверить их, предпринимая эту экспедицию. Он горячо и неустанно торопил постройку «Плутона».

Часовая стрелка подползала к половине седьмого. Игорин нервно оделся,

вышел из дома и сел в автомобиль. Через десять минут мотор остановился на большой ровной опушке, среди высокого соснового леса. У огромного досчатого гаража, с железными решетками, прильнув чудовищным телом к земле, лежал «Плутон». Около чего-то хлопотал механик Захаров. Профессор уже находился внутри.

Внешним видом «Плутон» подошел на несколько удлиненное гигантское яйцо, в пять саженей продольного и в две сажени поперечного диаметров. Передняя часть его тела на полторы сажени покрывалась винтовым цилиндром, с глубоким двухфутовым нарезом, с глубоким двухфутовым нарезом. Кроме нареза, передние края цилиндра были снабжены острой зубчаткой. На ходу «Плутон» должен был врезаться в землю всем своим колоссальным корпусом, с помощью именно этого винтового цилиндра, приводимого во вращение изнутри двумя сверхсильными моторами.

Снаружи и под винтовым цилиндром корпус одевала сплошная огнеупорная броня. Под броней была еще толстая теплопроводная стенка. И только за ней находилась металлический остов «Плутона». На «спине» и по «бокам» «Плутона» располагались по одному иллюминатору, с приспособленными к ним сильными рефлекторами. Один из боковых иллюминаторов заменял люк, через который можно было проникнуть в кабину, а затем и в машинное отделение. «Нос» же этого подземного корабля был вооружен подвижным резцом, в форме утолщенного к основанию зуба пилы. Резец одновременно служил и рулем.

Бронированный корпус машины был построен из исключительно твердого и неплавленного материала, рассчитанного на давление в миллион атмосфер. Обыкновенные твердые материалы, как придиш, платина, хром, не выдержали бы страшной температуры и давления в глубинах Земли.

Резец-руль и винтовой цилиндр с зубчаткой состояли из «скормунда». Этот состав был получен в последнее время во Франции химическим путем. Твердость «скормунда» превосходила во много раз твердость алмаза. Тройные стекла иллюминаторов обладали

такими же стойкими и непроницаемыми свойствами.

Под землей «Плутон» мог развивать большую скорость. Оба мотора обладали мощностью в триста тысяч лошадиных сил. Честь изобретения этих моторов принадлежала исключительно механику Захарову. Горючим же веществом служил открытый профессором Тураевым металлоид «Вулкан», заключающий в себе бездну энергии.

Однако, несмотря на титаническую силу моторов, несмотря на несокрушимую крепость всего корпуса, уйти глубоко в землю «Плутон» все же не мог бы. Он с успехом буровил бы мягкий грунт, уплотняя за собой отбрасываемую винтом рыхлую почву. Но уплотнить раздробленные в порошок горные породы было невозможно. Объем размолотого гранита был бы, все-таки, больше объема целого гранита. «Плутон» неизбежно застрял бы там, как в тисках.

Гениальный механик победоносно вывел свое изобретение из этого затруднения. Во время движения «Плутон» не столько буровил землю, сколько «пожирал» ее, в буквальном смысле этого слова. Помимо резцаруля, в передней части машины находилось так называемое «жерло» или пасть «Плутона». Земли немного откидывалось нарезом винтового цилиндра назад. Главная масса попадала в раскаленное «жерло», моментально плавилась там и, пробегая в виде жидкого стекла по сети расположенных внутри стен труб, извергалась из задней части корпуса. Этот «физиологический» процесс протекал с большой быстротой. При этом значительный процент почвы перегорал совершенно. Благодаря большой плотности, стекловидная масса лишь на одну треть заливала вырытый туннель и остывала в форме ровного пола.

Температура раскаленного жерла зависела от степени напряжения моторов. Чем сильнее пускались двигатели, тем больше раскалялись стенки жерла. Они нагревались по трубкам горящими газами того же самого «Вулкана», который питал и моторы. На полном ходу моторов температура жерла достигала шести тысяч граду-

сов. При такой жаре почва уже не плавилась, а сразу превращалась в пары.

Машинное отделение «Плутона» помещалось впереди, т. е. под винтовым цилиндром, а каюта—позади. Каюта была снабжена всем необходимым для целей подземной экспедиции. Кроме разных измерительных приборов, инструментов, был взят даже запас пищи. Путешественники рассчитывали под землей пробыть долго. Аппараты, вырабатывающие кислород для дыхания, и поглотители углекислоты дополняли снаряжение каюты.

Когда инженер проник через люк в каюту, профессор Тураев стоял у бокового иллюминатора, с хронометром в руках. Его молодежавое, бритое лицо выражало полное удовлетворение. Веселые, светлые глаза обернулись и ласково стрельнули в инженера.

— А!.. Вы уже здесь! Хорошо! Потрудитесь занять свое место, —скомандовал он притворно строгим тоном.—Через пять минут моторы будут пущены в ход, и от «Плутона» на земле останется только один след.

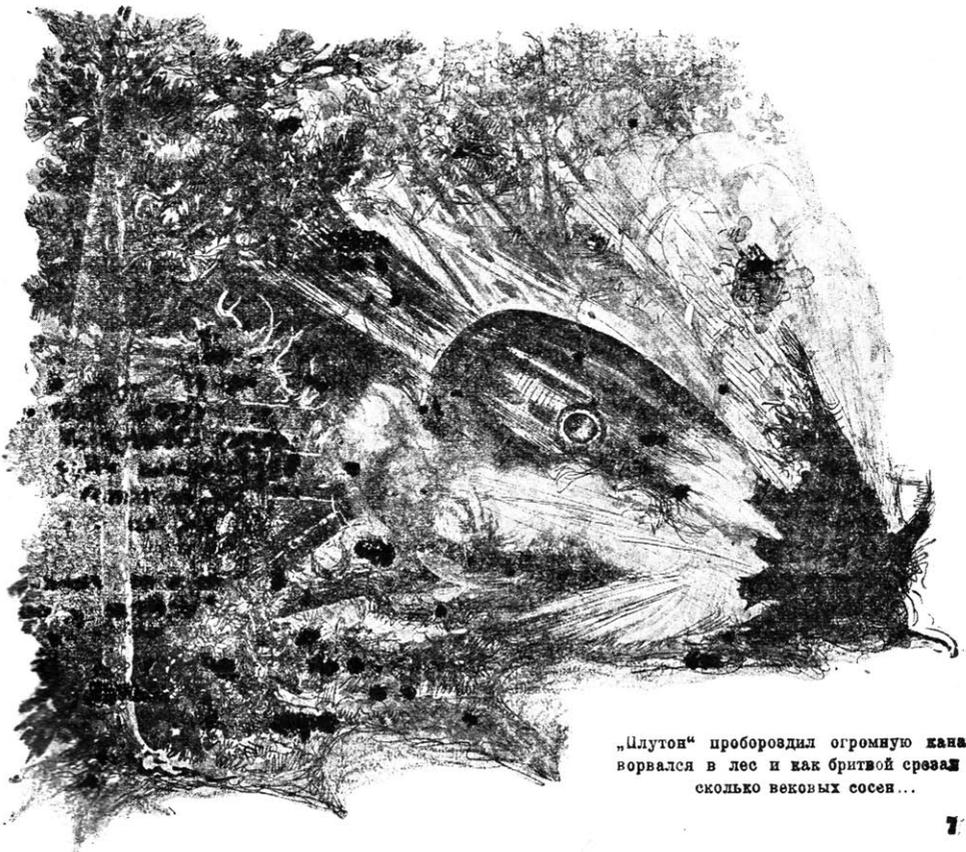
А через два-три часа юдоль земной поверхности от нас будет так же далека, как теперь звездное небо.

Профессор довольно погладил свой бритый подбородок и вскинул прищуренные глаза на иллюминатор в потолке. Сквозь толстые тройные стекла виделось облачное вечеряющее небо. Серый, пасмурный день быстро уходил.

В каюте появилась кряжистая фигура Захарова. Не останавливаясь, механик прошел в машинное отделение. Скоро оттуда донесся приглушенный шум разогреваемых моторов. Профессор поднял хронометр. И когда стрелка остановилась на семи, он дал механику знак, а сам взялся за штурвал.

Пущенные Захаровым моторы загудели. «Плутон» дрогнул и рванулся вперед. В боковых иллюминаторах поплыла зеленая поляна, замелькали стройные сосны. Потом все исчезло. В каюте воцарился мрак.

Если бы в этот момент снаружи были наблюдатели, они увидели бы необычайное зрелище. Оторвавшись от

«Плутон» пробороздил огромную канаву, ворвался в лес и как бритвой срезал несколько вековых сосен...

гаража, «Плутон» одним напором пробороздил через всю опушку огромную канаву. Разинув огненную пасть, ворвался в лес. Как бритвой срезал несколько вековых сосен и, кидая облака дыма, столбы земли, пропал из глаз.

II.

Не выпуская штурвала, профессор Тураев включил электрический свет и посмотрел на манометр, определяющий давление напластований.

— Вот как!.. Тысяча атмосфер! — удивленно воскликнул он. — Почвенный слой уже сопротивляется с силою в тысячу атмосфер. Это значит: мы пробежали два километра и закопались на двести метров вглубь.

— Павел Андреевич! Мы двигаемся к югу, — сказал Игорин, на обязанности которого лежало следить за компасом и рядом других приборов. — Значит «Плутон» удаляется из области залегания тяжелых металлов? А ведь по заданию Геологического комитета..

— Тяжелые металлы могут подождать, а с ними и Геологический комитет, которому они так понадобились, — упрямо перервал профессор молодого инженера.

Вдруг каюта вздрогнула от страшного толчка. Захаров растянулся на полу. Но профессор не упал. Он крепко держался за штурвал. «Плутон» дрожа замедлил ход, словно его впереди ожидала непреодолимая преграда.

— Гранит! — крикнул учевый. — Мы попали в область сплошного гранита!..

Стенки «Плутона» были абсолютно непроницаемы для звуков. И, тем не менее, все трое слышали какое-то пронизывающее, жгучее пение. Это пронеслось по проложенным в стенках трубам расплавленный гранит. Все предметы в каюте впитывали в себя это пение и, вибрируя на разные лады, отзывались. А что было снаружи?.. Надо было думать, что адское шипение внутри жерла, скрежет резца и ненстойкий стоп винтового цилиндра разбегались и далеко плыли даже по массиву безбрежного гранита.

«Плутон» шел со скоростью только пятидесяти метров в минуту. Манометр показывал давление в четырнадцать тысяч атмосфер, а термометр — две

тысячи триста пятьдесят градусов жары в жерле по Фаренгейту. Но в каюту жара не проникала. С самого отъезда ртуть оставалась на двадцати по Реомюру.

С каждой минутой давление увеличивалось, а ход «Плутона» уменьшался.

— Должно быть плотность гранита возрастает, — заметил Захаров. — Не повысить ли скорость, Павел Андреевич? Что-то уж по-черепашью мы ползем. «Плутон» скоро совсем застрянет. — Механику не терпелось. Изобретатель, во что бы то ни стало, хотел испытать сокрушительную мощь своих двигателей. В какие сферы углублялся «Плутон» и для чего? — такие вопросы мало волновали Захарова. Словно машинный дух, он был целиком поглощен работой своего создания.

— Да, пожалуй, это не будет лишним, — согласился после некоторого раздумья профессор Тураев. — В противном случае, нам сегодня не удастся проникнуть через гранитный слой, поближе к загадкам земного организма.

Лишь только Захаров взялся за регулятор, как «Плутон» внезапно остановился. Давление сразу упало до нуля. Температура тоже стала быстро понижаться.

Геолог с недоумением поглядел на манометр.

— Стоп!.. Остановить моторы!.. — приказал он. — Здесь что-то неладно. Надо сделать вылазку и посмотреть, куда мы попали.

Облачившись с головы до ног в жаронепроницаемые костюмы, снабженные резервуарами кислорода для дыхания, все трое вышли из «Плутона». Профессор Тураев засветил рефлектором вокруг. Обширный туннель, который просверлил «Плутон», был почти пуст. Стекловидной массы оказалось очень мало, да и та уже успела остыть.

— Да тут словно и не жарко — подумал Захаров и, обняв руками шлем ученого, громко прокричал:

— Ну и прожорлив наш «Плутон»! Неужели он все это проглотил?... Или гранитная порода такая?..

— Углероду много, углероду!.. Перегорает все!.. — слабо отозвался гео-

лог и полез на «спину» «Плутона» к винтовому цилиндру. Затем поднял рефлектор и протянул вперед. Яркий, длинный луч протонул в какой-то темной, ужасающей пустоте. Впереди была беспредельная черная бездна. На целую треть тела «Плутон» висел над Сездной.

При взгляде на нее у геолога зашумело в висках. Съездившись, в немом страхе, он отпелз обратно. Он понял, почему остановился «Плутон».

— Ну, как, Павел Андреевич?.. На что мы наткнулись? — крикнул Захаров снизу. Из-под шлема ученого прозвучал непонятный глухой звук. Механик и инженер поднялись к нему.

При одиноком, теряющемся во мраке луче рефлектора, все трое безмолвно замерли над пропастью. Теперь всем было ясно, на что наткнулся «Плутон». Было также ясно, что «Плутон» не мог двинуться и назад. Винтовой цилиндр даже краешком не задевал гранита. Он целиком торчал в пустоте.

Профессор, однако, скоро овладел собою. Не говоря ни слова, он отправился в кабину и в несколько минут изготовил три ракеты. Обернул их в жаропроницаемую оболочку и возвратился.

— Посмотрим, как велико это пустое пространство? — подумал геолог, и, с сухим треском, первая ракета взвилась вверх. Длинной золотой иглой она проколола тьму, потом высоко-высоко запылала желто-зеленым огнем и распалась. Вторая ракета, описав траекторию, брызнула чуть заметными искрами вдали и потухла.

— Ага!... Наткнулась!... Теперь заглянем вниз, — и третья ракета вырвалась вглубь. Но, не пролетев и ста метров, ракета вспыхнула морем бледно-фиолетового пламени. Путешественников с силой швырнуло далеко в туннель. Но пламя тут же погасло. Воспламенился и сгорел на дне какой-то тяжелый газ.

Первым очнулся Захаров. Профессор и Игорин еще лежали неподвижно. Механик осторожно подполз к «Плутону» и осветил рефлектором. Машина всем корпусом находилась

в туннеле. Ее сдвинуло давление газа. Игорин тоже встал на ноги и приблизился к профессору Тураеву. Геолог все еще лежал без чувств. Его бережно внесли в кабину, сняли жаропроницаемый костюм. Пока инженер приводил его в чувство, Захаров пустил моторы и дал «Плутону» задний ход.

— Куда?... Куда? Что вы с «Плутон» делаете? — вдруг очнулся ученый, впиваясь в приборы и миглом обозревая положение вещей. — Это совсем необязательно! — С этими словами геолог, как ни в чем не бывало, вскочил на ноги и схватился за штурвал. Через секунду «Плутон» врезался в западную стенку туннеля и засверлил вперед, под углом в шестьдесят градусов от прежнего пути.

— Павел Андреевич, — говорил Игорин, — чем объяснить эту пустоту на такой большой глубине? Какого она происхождения?

Профессор не отвечал. Он внимательно следил за какой-то сложной, только ему одному понятной картограммой на стене.

— Конечно, естественного! — сказал Захаров. — Мало ли всяких пещер, гротов находили под землей. А эта — только размером больше.

— Гм! Естественного! — недовольно промычал инженер. — Это в сплошном граните, да еще при давлении в четырнадцать тысяч атмосфер?... Объяснение довольно-таки наивное и к тому же противоречит самым элементарным законам физики.

Механик обидчиво помолчал. Слова инженера незаслуженно укололи его.

— Другого объяснения я не вижу, — после небольшой паузы говорил он. — Уж не считатели вы, чего доброго, эту пустоту искусственной? — Костистое лицо Захарова готово было искривиться, как от невероятного парадокса, в улыбку. Но сильный толчок его опрокинул на диван. Из иллюминаторов в кабину брызнул ослепляющей яркости свет, точно «Плутон» ворвался в недра самого Солнца. И едва все трое уцепились, кто за что попало, как «Плутон» снова прыгнул и завертелся волчком среди какой-то бешеной стихии. Не-

престанно содрагаясь от жесточайших ударов, каюта несколько раз обернулась вверх дном. Профессора отбросило от штурвала. Он кубарем прокатился по каюте, лоя руками. Попал под диван и там крепко застрял. Игорин и Захаров держались за один из приборов на стене. Они почти висели в воздухе.

Пять минут «Плутона» кидало, как пылинку в огненном, пенящемся водовороте. Потом подхватило и с непостижимой скоростью понесло куда-то к центру Земли.

Ослепленные исследователи все еще цеплялись, ожидал новых эквilibристических фокусов «Плутона». Но машина уже неслась по совершенно прямой линии, со скоростью трех тысяч километров в час.

— Мы погибли!... «Плутон» внутри расплавленной Земли!—едва выговорил Игорин, закрывая руками слезящиеся от нестерпимого света глаза.

Иллюминаторы вспыхивали всеми цветами радуги. Каюта пылала то желтым, то зеленым и синим огнем, то вдруг окрашивалась ярко багровым и резко переходила в фиолетовый, то загоралась и долго аела бледно-красным, то сменялась светом неопикуемой белизны.

Еще немного и гибель от смертоносных лучей была бы неизбежной. Но профессор во время предупредил опасность. В три прыжка он задвинул иллюминаторы красным стеклом и стал у штурвала.

— Мы попали в магматический поток, — сказал он, когда инженер и механик оправились. — Внутренность Земли наполнена не сплошной огненно-жидкой массой, а лишь изрезана непрерывными каналами, как наше тело артериями. Опасности беспомощно блуждать в океане атмосферы нет...

— Но, ведь, управлять «Плутоном» нельзя, Павел Андреевич! — возразил все еще бледный Игорин. — Мы можем вечно носиться по кровеносной системе Земли.

— При первом крутом повороте мы застрянем. А этого нам только и надо, — спокойно сказал геолог.

— А если канал широк, если все каналы таковы?.. Как же мы тогда

застрянем?—с ноткой отчаяния в голосе сказал инженер.

— Ну, тогда уж будем носиться!... Что-нибудь из двух!.. — профессор раздраженно пожал плечами.

— Как бактерия в человеческой крови! — беспечно добавил Захаров, не разделявший опасений своего коллеги. Спокойный вид геолога и таинственная картограмма на стене внушительно повлияли на него.

И ученый оказался прав. Скоро «Плутон» затрясся, как смертельно раненый зверь, и стал от ужасного удара. Затем, собравшись с силами, приналег и медленно пополз в твердый грунт. Будь раскаленная магма менее плотной и упругой, его двойная оболочка и броня не могли бы устоять. «Плутон» лопнул бы, как тыква, срозмаха брошенная на камень. От сотрясения в каюте много предметов сорвалось с винтов. Половина измерительных приборов была разбита. Но пассажиры каким то чудом уцелели.

Профессор бледный, потрясенный ударом тела о стену, с трудом поднялся на ноги и снова занял место у штурвала.

— Сейчас мы находимся на глубине около десяти тысяч метров под землей, — медленно, но твердо проговорил он, — на глубине, где сеть магматических потоков имеет наименьшую частоту. По моему расчету, здесь каналы раскинуты не менее, как через каждые двести-двестипятьдесят километров. На сегодня возможность такого нового скюрриза исключена.

— А в следующий раз мы вновь натолкнемся на такую возможность?— с горечью в голосе сказал Игорин.

— За следующий раз вы можете быть спокойны, — невозмутимо ответил ученый. Если мы запасаемся специальными приборами, предупреждающими о близости магмы, то это даст нам возможность, лавируя среди каналов, опуститься на любую глубину... А это что такое?! — и профессор изумленно поглядел на иллюминаторы. Они попрежнему пламенели красным светом.

— Это магма за нами гонится по пятам!—догадался Захаров. — Она преследует нас!..

— Теперь нам от нее не уйти, — с тревогой на лице сказал Игорь. — Куда бы «Плутон» ни проныкал, она всюду будет двигаться за нами. Единственный выход — выбраться на поверхность Земли.

— И наградить ни в чем неповинных жителей вулканом!... — Голос ученого резко повысился. — Прекрасный совет!... Ценой людских бедствий освободиться от временных неудобств!

— Но это рано или поздно должно произойти!.. Это неизбежно! — заволовался инженер. — Никаких исследований мы производить не можем. Так или иначе, а возвращаться на земную поверхность мы же будем. И потом, мы, ведь, можем выбрать пустынную местность, где вулкан никому беды не причинит...

— А каким образом мы отыщем эту пустынную местность?... Разве вы позабыли?... — геолог указал рукою на осколки разбитых приборов.

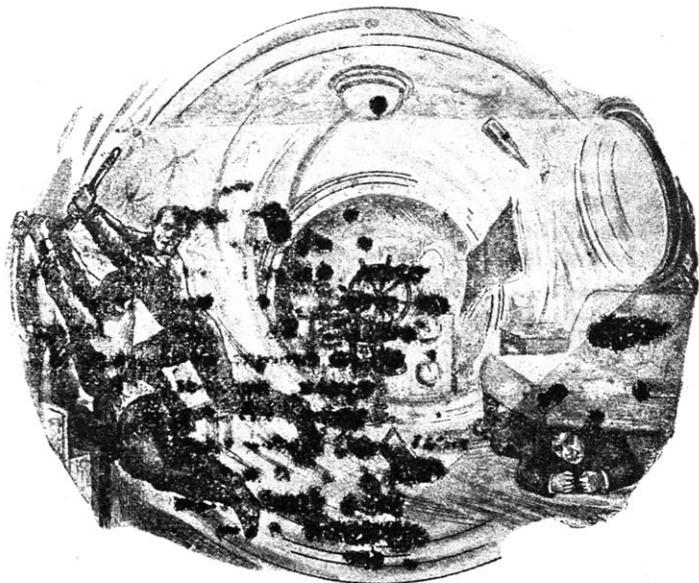
— Что же нам тогда делать? — Игорь безнадежно поник головой.

— Осмотрительно продолжать путь. Еще не все потеряно. Магма может найти выход в какой-нибудь пустоте и мы преспокойно выберемся наверх.

— Смотрите! — крикнул Захаров. — «Плутон» уходит от магмы...

И действительно. Ярко-красное предохранительное стекло иллюминаторов стало быстро темнеть. И скоро оно совсем превратилось в черное. Снаружи зиял мрак.

— Вот видите!... Тревоги ваши оказались напрасными, — весело улыбнулся геолог. — Сила напора из центра, очевидно, ослабла и магма осталась позади. Теперь «Плутону» остается только пробуровать как можно более длинный извилистый путь, на случай новой погони магмы. Это совсем не лишняя предосторожность!.. Температура гранитного туннеля не так уж высока... Прежде, чем выйти на поверхность, магма в нем успеет остыть и отвердеть. — В заключение

Профессор прокатился по каюте, попал под диван и там крепко застрял. Игорь и Захаров почти висели в воздухе.

своих бодрящих слов ученый уверенно поднял голову и крепко зажал руками штурвал.

III.

Прошло часа полтора. Негоропливо дробя и глотая гранит, «Плутон» медленно полз под землей. Весь пройденный им путь представлял сплошной, запутанный лабиринт.

— И все-таки, профессор, ваше сравнение земного шара с живым организмом мне кажется мало убедительным, — говорил инженер. — Я еще до сих пор не могу отказаться от мысли считать нашу старушку Землю мертвым, остывающим телом.

— Считать вы можете, как вам заблагорассудится! — горячился ученый, не переносивший равнодушно ничьих возражений.

Считают же малайцы, что Земля воткнута на рога огромного быка. Это только указывает на консервативный характер вашего мышления. Для того, чтобы опровергнуть мою аналогию, нужна критика основных положений, а не просто отрицание, ничем не мотивированное. Моя идея покоится на целом ряде неопровержимых доказательств.

В чем же общее между Землей и организмом?... Прежде всего — во внутренней жизни. Вулканы, гейзеры, нефтяные фонтаны, множество других

источников говорят нам, что внутри Земли происходят непрерывные процессы, говорят, что Земля живёт. Кристаллизация, образование новых пород, бездна всяких химических процессов — что все это такое? Все это — работа наших органов, наших желез. А картина вечных движений и изменений на поверхности? Какое же это мертвое тело?.. Я не говорю уже о магме, о земной крови, которая омывает и питает нашу планету. Здесь — аналогия полная. Кроме того, как и организм, Земля имеет и свою среду. На нее постоянно воздействуют Солнце, звезды, соседние планеты. И, конечно, Земля не остается в долгу. Всякое движение, всякая жизнь основана на взаимодействии.

В это время цение в трубах прекратилось. «Плутон» начал резко вздрагивать. Словно нарез и зубчатка цилиндра срывались, соскальзывали с неуязвимой металлической массы. Продвижение вперед стало еле заметным.

Это заставило профессора усложниться. Он стал прислушиваться.

— «Плутону» что-то попало не по зубам, — тихо сказал Захаров, тоже прислушиваясь.

— Странно! — пожал плечами геолог. — Что здесь такое может быть?.. До сплошного металла еще, кажется, очень далеко!.. Да и движемся мы вовсе не туда, не к центру Земли..

— Как тут не сбиться? — с досадой сказал Захаров, поддаваясь минутной растерянности ученого. — Роемся в земле, как слепые кроты!

Профессор Тураев молча отошел от штурвала к иллюминатору и кинул из рефлектора яркий электрический луч.

Перед глазами медленно плыла какая-то черная, изрытая винтом «Плутона» стена.

— Это не металл, — подумал профессор Тураев, — и не минерал.. Так что же это такое?... Разве — порода, еще неизвестная науке?..

Стена, неожиданно, оборвалась. «Плутон» прыгнул в пустоту, залитую белым светом.

— Магма!... Магма опять! — закричал механик и остановил работу моторов. «Плутон» встал, как вкопан-

ный. Из всех трех иллюминаторов в каюту струился сильный и, в то же время, холодный, мертвый свет.

— Нет, не магма, — протянул геолог, глядя через иллюминатор. — А что именно? — Ни разглядеть, ни понять не могу... Может вы лучше видите?..

Захаров и Игорин, с вытянутыми лицами, изумленно глядели в другой иллюминатор. Картина превосходила всякое воображение. Они точно онемели.

Не дождавшись ответа, профессор Тураев вышел из каюты. Осторожно открыл люк и вылез из «Плутона». За ним машинально последовали инженер и механик. Едва геолог обвел глазами вокруг, как тут же присел, придавленный невиданным зрелищем. Его остолбеневшие, растерянные спутники тоже отказывались верить глазам. Головы их не вмещали понимания окружающего.

Все трое стояли посредине фантастического овального зала необозримой величины. Несмотря на ровный свет многих тысяч огней, усыпавших обширный свод, всего нельзя было охватить и разглядеть. На всем протяжении стен из красного полированного металла тянулась непрерывная цепь пузатых веретенообразных колонн. Весь овал зала охватывался ими, как кольцом. Но колонны не подпирали высокого свода, а бесшумно вращались на оси. Они, как будто, равномерно и чинно плыли в неведомом танце. В промежутках между колоннами тоже бесшумно, но с неуловимой быстротой, вращались неясные металлические тела золотистого блеска. Своим стремительным движением они как бы пытались разогнать неторопливый, торжественный ход гигантов. Кроме того в зале вращалось и двигалось в различных направлениях множество дисков, цилиндров, конусов, осей, расположенных в строгой симметрии. Посредине зала, из одного края в другой, шел длинный ряд каких-то загадочных механизмов. Каждый механизм был заключен в прозрачный колак.

Пол зала казался застывшим озером. Под его стеклянной, прозрачной

поверхностью иногда вспыхивали и потухали разноцветные огоньки. Поблескивая, появлялись непонятные тела и снова исчезали. Был ли там второй этаж такого же мира механизмов или что иное — неизвестно.

В зале, однако, ни яркий свет, ни сложные, сверкающие движения не оживляли, не одухотворяли всего зрелища в целом. Ни малейшего звука, или хотя бы шороха не рождалось нигде. Было одно немое, вечное движение. Именно поэтому предметы казались только призраками безжизненного мира. Будто давным-давно некий волшебник толкнул эти совершенные механизмы и потом позабыл их навсегда.

— Какое чудесное царство машин!.. шептал восхищенный инженер. — И кто мог построить его?.. Какие великие существа!.. Неужели жили такие люди под землей?..

— Очевидно жили. Не боги же создали его, — грубовато буркнул Захаров, глазами буквально пожирая машины.

— Но каким образом машины все еще работают? — продолжал инженер. — Какая сила, пережившая строителей, движет их?.. Вот что удивительно!..

— Ничего удивительного нет, — сказал профессор. — Мы с этой силой уже достаточно познакомились. Вся внутренность земли целиком — неиссякаемый источник энергии. Это — *Perpetuum mobile* безграничной мощности.

— Значит, здесь использованы постоянно движущиеся потоки магмы? — догадался инженер.

— Именно!.. Постоянно циркулирующая кровь земли.

— Смотрите!.. Зал, кажется, имеет выход.. — Захаров указал рукой на темнеющий вдали стрельчатый проход. Озираясь и лавируя среди машин, все трое двинулись туда. Проход оказался началом длинной галереи. По обеим сторонам галереи были сделаны в стенах большие круглые окна из желтого стекла. Окна открывали вид на поразительные панорамы.

Через первые пять окон, с одной и другой стороны, была видна внутренность двух величайших шаровид-

ных камер. Из мощных трубных жерл, через стены, внутрь камер врывались, под стихийным напором, потоки раскаленной магмы. Описав дуги в пространстве, потоки сливались посредине камер в один сплошной водопад и всей массой обрушивались на исполинские вращающиеся турбины. Последние походили на вазы более пятидесяти метров диаметром. Потоки лились непрерывными струями и пенились внутри ваз. Сверкали брызгами огромных лопающихся пузырей и исчезали в турбинах, как в ненасытной пасти чудовищ.

— Грандиозное зрелище!.. Вот где закована огненная кровь земли!.. — воскликнул инженер, не отрывая глаз. — Вот она — побежденная сила!..

— Взгляните на стекла окон, — заметил Захаров, не упускавший ни одной детали. — Они не пропускают ядовитых лучей магмы. Особенный состав... химический!.. Вот чего не хватает нашему «Плутонону». — В голосе механика зазвучали завистливые нотки. Было видно по лицу, что он не задумался бы эти стекла переставить в свою машину, если бы такая операция не являлась столь затруднительной.

Все следующие окна галереи выходили на широчайший подземный канал с целой рекой магмы. Бурлящие волны бешено бились о раскаленные стены канала. Облака паров то клубясь, то растаяв сплошным туманом, неудержимо неслись по следам волн.

— Оох!.. Даже дыхание захватывает, — Игорьин со вздохом взялся за грудь. Отошел на середину галереи. — Трудно поверить, что мы с «Плутоном» мчались по такой же адской реке. Это что-то невообразимое!..

Наконец галерея кончилась. Шедший впереди Захаров остановился.

— Стена!.. Дальше идти некуда! — крикнул он.

— Этого не может быть! — профессор подошел вплотную к стене. — Впереди должен находиться хотя и покинутый, но все же какой-нибудь мир. Для чего тогда эти машины, эта удивительная техника?.. А!.. Вот!.. Так и есть... рычаг!.. — И, не долго думая, профессор навалился на него

всем телом. Стена чуть дрогнула и бесшумно скользнула вверх.

В тот же миг всех троих с непреодолимой силой рвануло вперед. Инженер и механик инстинктивно ухватились друг за друга. Однако устоять не могли. Подхваченные вихрем их сцепившиеся тела исчезли впереди. Геолог не выпустил рычага и удержался. Но только на две-три секунды. Воздушный поток оторвал его от рычага, высоко поднял вверх и кинул куда-то в пустоту. Свистящий, холодный мрак захлестнул сознание.

IV.

Геолог поднимал то одну, то другую руку, шевелил ногами, поворачивался на своем ложе, испытывая при этом в теле приятное ощущение. Видел вокруг себя комнату. Но встать, осмотреться, не мог и не хотел. Сноп золотых лучей, падавших на тело от блестящего диска над головой, обессиливал всякое желание. Мозг был парализован. Только какал-то его маленькая частица еще жила, имела власть и престоивала. Этим крохотным кусочком мозга ученый и силился оживить остальные мертвые части. Но напрасно. Ни память о прошлом, ни сознание окружающего не возвращались, словно к шее был приставлен мертвый череп.

— Что такое?.. Что с головой?.. Что?.. — жалким червячком попошился живой кусочек мозга и недоумевал. Чтобы убедиться, профессор поднял руку и скользнул ею по голове. Тупая, ломящая боль рванула тело. Голова была разбита. Все темя пересекал глубокий пролом.

— Ая-яй!.. Ай!.. — закричал геолог и, как обожженный, вскочил на ноги. — Где же это меня так..?

От потрясающей боли пробудилась мысль. Все мозговые клетки зашевелились. Качаясь, профессор обошел комнату. Боль постепенно утихала. Комната оказалась почти пустой. Но стены и потолок поражали сказочной роскошью. Причудливая металлическая мозаика, разноцветная эмаль, яшма, лазурь, были собраны в живописные узоры орнаментов. Из узоров, как живые, вылезали и глядели, не мигая,

барельефы человеческих и звериных голов.

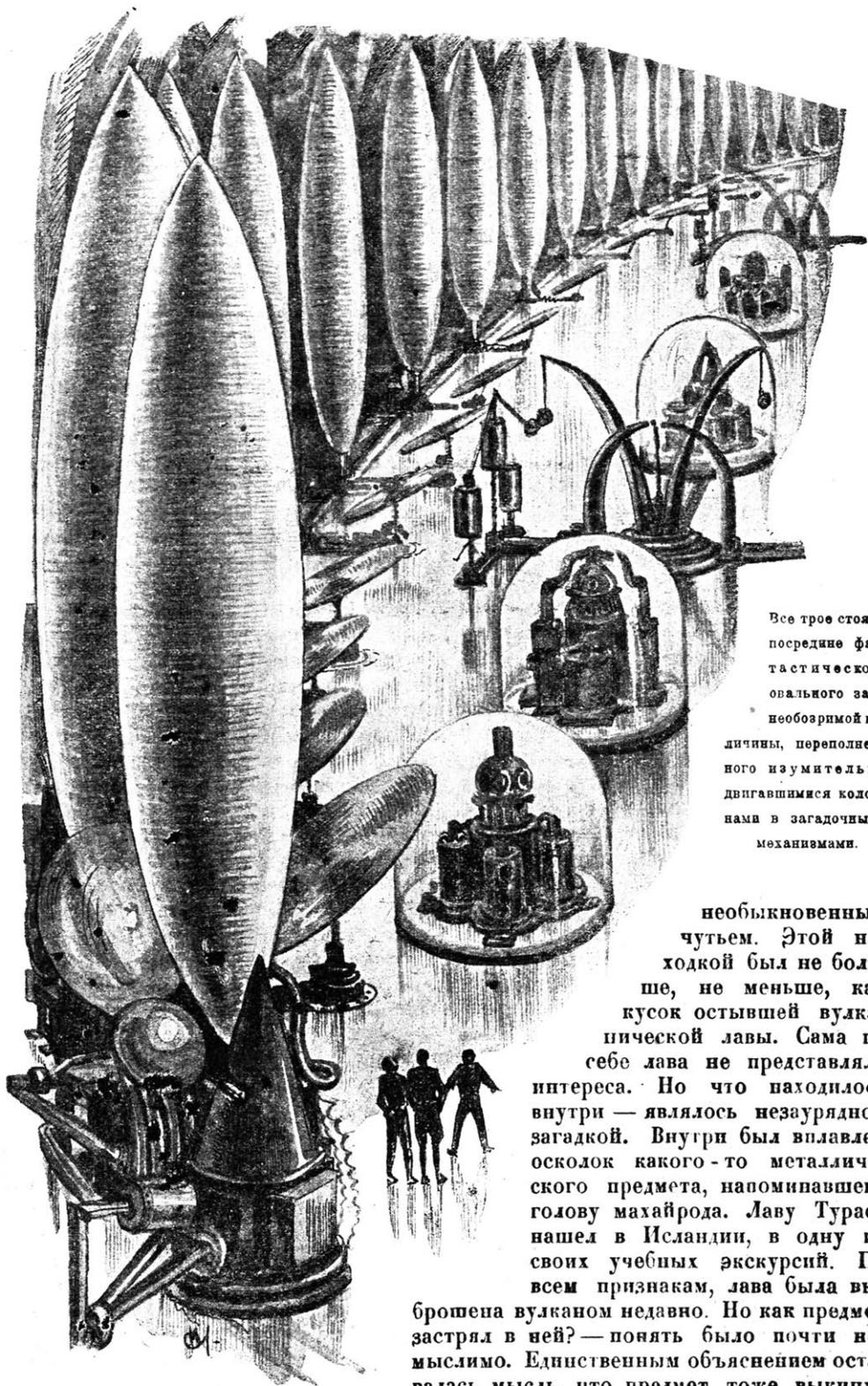
— Так-так!.. Они самые!.. Сомнений нет!.. — шептал с затаенной радостью ученый, внимательно и долго рассматривая три звериных головы из темно-зеленого минерала.

— Они!.. Они!.. — повторял он, шаря по карманам. — Они!.. Царственные звери... Немые свидетели межледниковых культур. — Фигуры походили на головы тигров с длинными моржовыми клыками. Профессор достал из кармана записную книжку, отыскал рисунок такой же головы и стал сравнивать. — Никаких различий!.. Никаких!.. Он самый!.. Махайрод!.. кинжалозубый тигр межледникового периода!.. Махайрод — потрошитель слонов!.. Grimаса радости скривила лицо. — А где гипербореи? — шепнул он и оглянулся. — Где же люди межледникового периода?.. А-й!.. — схватился за голову и грохнулся об пол. Струйка алой крови потекла из головы по искристой мозаике пола.

Еще в бытность студентом, Тураев создал любопытную гипотезу о погибшей под снегами последнего ледникового периода культуре Гипербореев. Гипотеза была так неожиданна и маловероятна, что не только профессора, но даже и студенты сочли ее шуткой. Идея о существовании в такие отдаленные времена на севере Европы высокой цивилизации — и не могла не показаться только смехотворной выдумкой. С точки зрения геологии такая гипотеза еще была терпима. Но археологи об этом и слышать не хотели. Теплый климат, богатые ископаемые, близость моря — аргументы геологов — их абсолютно ни в чем не убеждали. Однако Тураев не сдавался. Мало того. Он шел еще дальше. На основании какой-то сомнительной находки, он вздумал утверждать, что гиперборейская культура не исчезла, что эта культура, может быть, существует и до сих пор.

— Никакой культуры в такой период быть не могло! — веско и безапелляционно отвечали ему.

Тураев искал утешения в своей «находке». Он верил в нее своим

Все трое стояли
посредине фантастического
овального зала
необозримой величины,
переполненного изумительно
двигавшимися колоннами
в загадочными механизмами.

необыкновенным чутьем. Этой находкой был не больше, не меньше, как кусок остывшей вулканической лавы. Сама по себе лава не представляла интереса. Но что находилось внутри — являлось незаурядной загадкой. Внутри был вплавлен осколок какого-то металлического предмета, напоминавшего голову махайрода. Лаву Тураев нашел в Исландии, в одну из своих учебных экскурсий. По всем признакам, лава была выброшена вулканом недавно. Но как предмет застрял в ней? — понять было почти невозможно. Единственным объяснением оставалась мысль, что предмет тоже выкинут

из вулкана. Так и решил Тураев. А отсюда и вытекли все его головокружительные выводы о культуре гипербореев. — Раз предмет не расплавился в магме, — рассуждал он, — значит, он — продукт высокой металлургической техники. Если на нем изображен махайрод — должен принадлежать к культуре, древность которой простирается к межледниковому периоду. — Попасть в вулкан предмет ни в каком случае не мог, — продолжал допытываться Тураев, — следовательно, эта культура находится или находилась внутри земли. Вопрос: каким же образом предмет выкинуло в Исландии, раз он принадлежал культуре гипербореев? — Тураев решал просто: — Загадки в этом никакой нет. Потоки магмы могли его выкинуть где угодно, хоть на Огненной Земле.

Вот какими извилистыми путями Тураев пришел к своей гипотезе. Но это была хотя и гадательная, однако все же научная основа его идеи о гиперборейцах. Неотступно преследуемый мыслью об исчезнувшей культуре, он часто наедине, с помощью фантазии, дорисовывал то, перед чем бессильна была наука. Как у наркомана, в его пылком воображении проходили красочные картины далекого прошлого. Сплетаясь в стройную канву ярких видений, перед ним оживала вся история таинственного народа.

Первая и самая отчетливая картина его фантазии это — море непрерывно падающего снега. То ровно снижаясь тяжелыми хлопьями, то бешено крутясь мерзлым, сухим вихрем, снег падает застывая необозримое пространство, подобное полярной пустыне. Только кое-где, прорезав снежный саван, торчат золотые шпили, верхушки обелисков и башен. Местами, точно под стеклянными куполами, еще вспыхивают и гаснут огоньки. Как затерянные среди полярного океана маяки, они то тускло озаряют, то снова кидают в полумрак густую снежную мглу. Там, где-то в глубине, кто-то отстаивает жизнь от объятий мертвящего снегопада. Ни солнца, ни неба нет над этой жуткой равниной. Они закрыты снежными тучами на многие столетия.

Но вот под снегом исчезает все. Воображение Тураева переносится вглубь, под снега. В просторных роскошных амфиладах, при слабо догорающих под сводами огнях, он видит тысячи трупов. Белые окоченевшие тела, в легких голубых и сиреневых одеяниях, лежат неподвижно, прильнув друг к другу. Все они искрятся тонким слоем инея, как засахаренные мумии.

Но не одних мертвых Тураев видит внутри оледенелого города. Он видит и живых. Одетые в меха, вооруженные инструментами, они неотомимо суетятся около машин. Нагревают замерзающие залы, выкачивают воду, ломают и разбирают на материал стены, крыши зданий и увозят на машинах куда-то в глубь земли. Люди появляются, действуют и исчезают с точностью не живых существ, а каких-то железных механизмов. Лица их никогда не улыбаются. На суровых, сосредоточенных масках лежит печать неукротимой энергии и упорства. Это не люди, а какие-то титаны, волю которых не могут сломить слепые силы природы.

Проходят годы, десятилетия, века. На людях уже нет мехов. Опи уже среди гигантских кранов, чудовищных машин, с лязгом и грохотом врезающихся все глубже и глубже к самому сердцу Земли. И теперь, среди неустанного стального скрежета, их лица кажутся Тураеву все теми же масками. Закованные в металл, люди мелькают в огненных шахтах, как призраки, обдуывая раскаленные потоки магмы.

Текут многие тысячелетия. Внутриземные силы побеждены. Мертвые блики угрюмых машин уже не окружают людей. Они запрятаны в укромных уголках и, как вечные рабы, не показываясь, служат своим творцам.

И теперь люди изменяются. Упорный труд уступает место непрерывному празднеству. Везде царит расточительная роскошь, всюду только наслаждаются.

— А что же дальше?.. Вырождение и гибель?.. — возвращаясь к действи-

тельности, спрашивал себя Тураев. И на этом заканчивалась его фантазия.

Втечение пяти лет он не расставался со своей гипотезой. Все искал подтверждений. Под конец выбился из сил. Но через десять лет интерес к культуре гиперборцев у него возник опять. На этот раз геолог погрузился в древнегреческую мифологию. Известное предание жрецов Дельфийского храма о «сипервореях» разбудило в его сердце новые надежды. Древнейший греческий миф о существовании сказочного народа в той северной стране, «откуда дует холодный Борей», не случайно совпал с его гипотезой. В этом Тураев был убежден. А главное: он знал, что наука последних лет перестала смотреть на мифы, только как на поэтический вымысел. В них всегда можно было найти много отраженной истинной жизни.

— Откуда у греков могло возникнуть это сказание? — думал он. — Откуда все эти намеки, что даже их древнейший и любимейший бог Аполлон пришел к ним из Гиперборий.

— Почему, — с досадой задавал он себе вопрос, — рассказу Платона об Атлантиде можно больше верить, чем повествованиям дельфийских жрецов? Кто знает, быть может сами греки происходят от гиперборцев?.. Разве это невозможно?.. Разве не могла какая-нибудь группа во время катастрофы переселиться на юг, деградировать, а потом снова возродиться? Ведь не только расовые признаки древних греков отмечают в них северных пришельцев, но и вся их необычайная культура так своеобразна, так непохожа на культуру окружающего восточного мира. А что теперешний грек скорее похож на турка, чем на своего классического предка, только подтверждает мою мысль, — с увлечением подкреплял свою гипотезу Тураев все новыми и новыми аргументами. — В южных географических условиях, среди чуждого «варварского» мира, чудесный осколок богатого северного народа долго устоять не мог. Культура быстро отцвела, как и возродилась. Чистая раса смешалась с арабскими и тюркскими племенами и выродилась.

Ученый — снова пришел в себя. Лежал он не на полу, а на ложе. Золотой сноп целительных лучей над его телом исчез. Сиял только широкий диск. Комната была та же. У самых ног стоял человек. Голый череп, бледное, безволосое и изрезанное морщинами лицо; длинный желтый хитон на высоком, худом теле украшал его внешность. От больших голубых глаз, глядевших холодным и пылливо-вдумчивым взором, профессору Тураеву почему-то стало грустно и тяжело. Ни страха, ни изумления он не испытывал. Здесь было нечто другое. Им овладело чувство, какое охватывает ребенка перед неласковым «чужим». Слишком безучастно, непростительно бездушно смотрело на него это странное человеческое существо.

Если бы человек заговорил — профессору Тураеву стало бы легче. Пусть он заговорит хотя на своем, на непонятном языке. Но человек молча стоял и глядел. В синих, пустых глазах не было и признака любопытства. Длинные, чуть опущенные седые ресницы, казалось, струили на ученого негреющие серебряные лучи.

На его лице лежал отпечаток какой-то безмерной усталости. Словно этот человек слишком долго жил, все перечувствовал и хотел умереть.

Откуда-то, из глубины, профессор Тураев почувствовал, что перед ним исключительное существо. Простым гиперборцем оно быть не могло. Гиперборей, по его еще ранним соображениям, если и жили до сих пор, то только медленно регрессирующей жизнью. Достигнув известного предела в своем развитии, они должны были, по законам культурно-исторической эволюции, начать процесс постепенного падения. Скорее интуитивно, чем сознательно, ученый догадывался, что у его ложа стоит, может быть, последний представитель какой-то верховной касты. Может быть, только один он и знает тайну управления машинами, созданными еще в эпоху великих строителей.

Не в силах переносить дальше неподвижный взгляд гиперборей, геолог нервно шевельнулся на постели. За-

тем приподнялся и сел с неудержимым желанием заговорить. В тот же миг старик вышел из задумчивости. Глаза засветились сильным волнением. И он поспешно вышел из комнаты. Вместо него в комнату неслышно проскользнули трое гибких, как юноши, людей. Вся одежда их состояла из короткого, от пояса до колен, зеленого трико. В руках они несли нечто в роде ручного катаfalка или паланкина.

Профессор Тураев вопросительно поглядел на катаfalк. Перевел глаза на людей... Но ему даже и одумать не дали. Ловкими движениями подхватили и уложили на носилки. Вынесли из комнаты. Почти бегом пронесли по широкому корридору, со свечящимся потолком и вьющимися растениями по стенам. В зале, проколотом от пола до потолка толстой трубой, остановились. Здесь ученого вместе с носилками, конвоиры поместили в цилиндрический вагон и стали стремительно падать по трубе вниз. Через минуту падение прекратилось. Профессора Тураева перегрузили в вагон трубы горизонтальной, и снова понеслись. Однако на этом путешествие геолога не кончилось. Скоро оказалась новая пересадка. Теперь его положили на открытый

экипаж-площадку и заскользили в обширном туннеле со скоростью сквозного ветра. Профессор Тураев покорно и терпеливо лежал. Три конвоира стояли неподвижными изваяниями.

Но вот, впереди, сквозь жерло туннеля заблестали яркие переливы огней какого-то гигантского зала. Геолог растерянно заморгал и, от внезапного шума в разбитой голове, снова потерял сознание.

Окончание в 6-й, июньской книжке „Мира Приключений“.

